

Посвящается Симоне

Содержание

От автора	5
Книга первая. ИСТОКИ	
I. Положение Англии	13
II. Первые следы человека	16
III. Кельты	19
IV. Римское завоевание	25
V. Конец римской Англии	31
VI. Англи, юты и саксы	36
VII. Обращение в христианство	42
VIII. Христианство и германизм в Англии	47
IX. Вторжения данов и их последствия	51
X. От короля Альфреда до короля Кнута	57
XI. Нормандское завоевание	63
Книга вторая. ФРАНЦУЗСКИЕ КОРОЛИ	
I. Последствия нормандского завоевания. Централизованная власть	75
II. Последствия нормандского завоевания. Феодализм и экономическая жизнь	83
III. Сыновья Завоевателя	91
IV. Анархия. Генрих II. Конфликт с Томасом Бекетом	98
V. Генрих II — администратор. Юстиция и полиция	105
VI. Сыновья Генриха II. Смерть короля. Ричард Львиное Сердце. Крестовый поход и плен. Иоанн Безземельный	110
VII. Великая хартия вольностей	116
VIII. Сообщества: 1) города и корпорации	121
IX. Сообщества: 2) университеты	128
X. Сообщества: 3) нищенствующие монахи	133
XI. Генрих III и Симон де Монфор	137

Книга третья. ВЕЛИЧИЕ И УПАДОК ФЕОДАЛИЗМА (1272–1485)

I.	Эдуард I (1272–1307). Законодательные реформы. Внутренняя администрация	147
II.	Происхождение и становление парламента	152
III.	Эдуард I и кельты. Завоевание Уэльса. Неудача в Шотландии. Эдуард II	156
IV.	Столетняя война (первая половина)	162
V.	«Черная смерть» и ее последствия	168
VI.	Первые английские капиталисты	173
VII.	Неурядицы в Церкви	176
VIII.	Крестьянское восстание (1381)	182
IX.	Вторая половина Столетней войны. Ричард II, Генрих IV, Генрих V, Генрих VI. Англичане за пределами Франции	189
X.	Война Алой и Белой розы	196
XI.	Англия в конце Средних веков	202

Книга четвертая. ТЮДОРЫ, ИЛИ ТОРЖЕСТВО МОНАРХИИ

I.	Генрих VII	211
II.	Местные органы управления во времена Тюдоров	217
III.	Английские реформаторы	222
IV.	Генрих VIII (1509–1547)	226
V.	Церковный раскол и гонения на несогласных	233
VI.	Эдуард VI, или Протестантская реакция	240
VII.	Мария Тюдор, или Католическая реакция	245
VIII.	Елизавета и англиканский компромисс	251
IX.	Елизавета и море	259
X.	Елизавета и Мария Стюарт	268
XI.	Англия в Елизаветинскую эпоху	276
XII.	Заключение	283

Книга пятая. ТОРЖЕСТВО ПАРЛАМЕНТА

I.	Яков I Стюарт и религиозная проблема	287
II.	Первые конфликты короля и парламента	293
III.	Бекингем и Карл I	299
IV.	Король без парламента	305
V.	Долгий парламента	311
VI.	Первая гражданская война	318
VII.	Армия против парламента	325
VIII.	Кромвель у власти	332
IX.	Долговременные последствия пуританства	341

X.	Реставрация	347
XI.	Яков II и «Славная революция» 1688 г.	358
XII.	Нравы и идеи Реставрации. Заключение	363

Книга шестая. МОНАРХИЯ И ОЛИГАРХИЯ

I.	Голландец на троне	373
II.	Времена королевы Анны (1702–1714)	380
III.	Время Уолпола	387
IV.	Состояние нравов (1700–1750)	398
V.	Время Питта	408
VI.	Личное правление Георга III. Потеря американских колоний	415
VII.	Революция и Империя	426
VIII.	Сельскохозяйственно-промышленная революция	438
IX.	Сентиментальная революция	446
X.	Заключение	455

Книга седьмая. ОТ АРИСТОКРАТИИ К ДЕМОКРАТИИ

I.	Послевоенные трудности	461
II.	Избирательная реформа 1832 г.	470
III.	Победа свободы торговли	479
IV.	Внешняя политика Палмерстона	488
V.	Викторианская Англия	494
VI.	Дизраэли и Гладстон	503
VII.	Империя в XIX в.	513
VIII.	Закат либерализма	520
IX.	Мир на грани войны	528
X.	Великая война	537
XI.	Между двумя войнами	544
XII.	Вторая мировая война	554
XIII.	Заключение	560

Генеалогические таблицы	565
Словарь	570
Источники	574
Именной указатель	577

КНИГА ПЕРВАЯ

ИСТОКИ

I. ПОЛОЖЕНИЕ АНГЛИИ

1. «Нам всегда надлежит помнить, что мы соседи, но не часть континента». Эти слова Болингброка определяют своеобразное положение Англии. Она так близка к континенту, что с берега Кале видны белые утесы Дувра — вечное искушение для захватчика. Многие тысячелетия она даже соединялась с Европой, а Темза долго впадала в Рейн. Животные, вновь заселившие Англию после ледникового периода, и первые охотники, которые за ними последовали, пришли из Европы по суше. Но каким бы мелким и узким ни был пролив, который по-прежнему отделяет английский остров от Бельгии и Франции, его хватило, чтобы обеспечить этой стране необычную судьбу.

2. «Островная, но отнюдь не изолированная». Европа была слишком близка, чтобы островной характер нравов и представлений англичан не подвергся никаким влияниям. Можно даже сказать, что этот островной характер — явление скорее человеческое, нежели природное. В начале своей истории Англия, как и другие земли, не раз подвергалась нападениям и защищалась очень плохо. Она жила тогда земледелием и скотоводством. Населявшие ее люди были скорее пастухами и крестьянами, нежели купцами и мореходами. Лишь гораздо позже, построив мощный флот, англичане почувствуют себя в безопасности за поясом надежно защищенных боевыми кораблями морей и познают настоящие выгоды своего островного положения, поскольку оно, избавив их от страха вторжений и освободив на несколько веков от военных тягот, которых требовала политика от других народов, позволит им без особого риска опробовать новые формы правления.

3. Благоприятному случаю было угодно, чтобы наиболее легкодостижимой частью Англии была обращенная к Европе равнина в юго-восточной ее части. Если бы поверхность острова имела наклон в другую сторону, если бы кельтские и скандинавские пираты во время своих первых экспедиций обнаружили одни только неприступные скалы, то, возможно, лишь немногие из них отважились бы на вторжение, и тогда история страны была бы совсем иной. Но приливные волны несли суда вглубь широких,

Замковая скала в Долине камней. Линтон и Линмут, Девоншир.
Фотография конца XIX в.

хорошо защищенных от ветра устьей; поросшие травой известняковые холмы позволяли обследовать остров, избегая лесов и болот; наконец, климат тут был мягче, чем в других землях тех же широт, поскольку Англию зимой согревают теплые и влажные океанские туманы. Так что все черты этого побережья были просто созданы для того, чтобы поощрить завоевателя, который стал бы заодно и творцом.

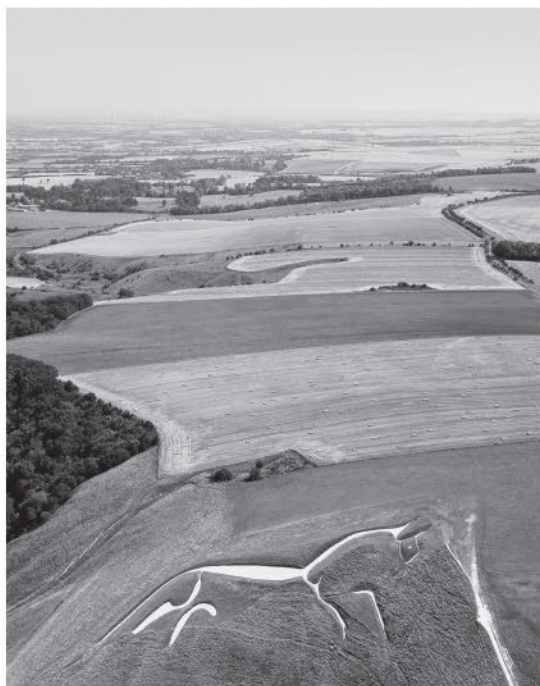
4. Эта столь легкодостижимая Англия расположена прямо напротив границы между двумя историческими областями Франции — Артуа и Французской Фландрией, границы, которая отделяет романские языки от германских (сегодня это французский и фламандский). Так что ей было суждено принимать посланцев и от романско-латинской культуры, и от тевтонской. На протяжении веков эта способность сочетать элементы обеих культур, чтобы претворить их в собственный гений, будет еще одной из ее особых черт. И в этом Англия глубоко отличается от Франции или Италии, где, несмотря на привнесение некоторых германских элементов, всегда преоб-

ладала латинская основа, а также от Германии, для которой латинская культура всегда была лишь украшением, которое подчас с отвращением отбрасывалось. Трижды — в результате римской колонизации, христианизации и нормандского завоевания — Англия соприкоснется с латинским миром, и впечатление, которое он произведет на нее, будет глубоким.

5. Каким бы парадоксальным это ни показалось, но надо заметить, что между XV и XVII в. положение Англии на карте мира изменилось. Для народов Античности и Средних веков эти земли, так часто окутанные туманом, были крайней границей мира. Эта далекая Туле (Фула, Θούλη), магическая и почти нечеловеческая, была очень близка к преисподней. За ее утесами, о которые бились громадные волны Океана, на запад простиралось бесконечное море, а на север — вечные льды. Лишь самые дерзкие отваживались заплывать туда ради золота, жемчуга, а позже шерсти, но как они могли вообразить себе чудесное будущее этих островов? В те времена

Ян Виллем Блау. Карта Британии и Ирландии. Гравюра из Atlas Novus. 1634

Уффингтонская белая лошадь.
Гигантский доисторический рисунок на склоне холма в графстве Оксфордшир. Бронзовый век

всякая человеческая деятельность имела своей прямой или косвенной целью Средиземноморский бассейн. Понадобится мусульманская преграда, открытие Америки и особенно эмиграция пуритан, чтобы сдвинуть торговые пути в сторону этого нового мира и превратить Британские острова в самую передовую морскую базу Европы.

6. Наконец, в XVIII и XIX вв. островное положение позволило Англии, находившейся под защитой своего флота, приобрести больше внутренней свободы, чем имелось тогда у континентальных народов; оно же позволит ей благодаря этому флоту создать мировую империю. Имперская история этой нации частично объясняется ее морским владычеством, решившим проблему националь-

ной обороны, стоявшую перед Англией из-за ее географического положения. А изобретение аэроплана стало для нее самым значительным и самым опасным историческим событием нашего времени.

II. ПЕРВЫЕ СЛЕДЫ ЧЕЛОВЕКА

1. Первая страница английской истории отнюдь не является белой, как об этом часто писали, скорее она покрыта знаками из многих алфавитов, ключом к которым мы не располагаем. Некоторые части страны, в частности пологие меловые холмы Уилтшира, усеяны монументами, возведенными в доисторические времена. Рядом с деревней Эйвбери можно видеть гигантские следы настоящего мегалитического собора. Более пятисот установленных вертикально камней образуют там круги, к которым ведут огромные подъездные дороги. Вал, окаймленный внутренним, поросшим травой рвом, окружает широкое круглое пространство. С этого вала еще и сегодня виден находящийся

в нескольких сотнях метров огромный курган, который возвышается над равниной. Он наверняка потребовал от неизвестного первобытного народа не меньше трудов, веры и силы духа, чем монументы Гизы от древних египтян. На всех окрестных холмах возвышаются покрытые дерном малые курганы неправильной формы, одни овальные, другие круглые, — могилы вождей, в каменных погребальных камерах которых были найдены скелеты, гончарные изделия и украшения. Это поле героев, простые и величественные очертания курганов, вырисовывающиеся на фоне неба, смелые и четкие очертания вала, кругов и подъездных дорог — здесь уже все говорит о выдающейся цивилизации.

2. Похоже, что монументы Эйвбери, святилище Стоунхенджа, курганы Холма Гигантов доказывают существование во втором тысячелетии до Рождества Христова «многочисленного населения, привыкшего объединяться для совместных действий под руководством некоей принятой им

Стоунхендж. Гравюра из атласа Яна Янсонуса. Середина XVII в.

власти». По гребням холмов были проложены грунтовые тропы, служившие дорогами первым обитателям страны. Многие из них сохранили свое значение по сей день, и современный английский автомобилист, как и пастухи, перегонявшие стада в XVIII в., все еще пользуется этими верхними путями, идущими над долинами — ныне плодородными, но когда-то совершенно недоступными для путешественника из-за лесов и болот. Таким образом, в этот окутанный тайной период были намечены некоторые сохранившиеся надолго черты людской географии. Многие капища первобытных народов останутся для их преемников полными очарования достопримечательностями. Уже тогда природа подсказывала местоположение будущих городов. Кентербери был наиболее близкой к побережью остановкой на дороге, откуда было возможно, следуя требованиям приливов и отливов, достичь в удобное время той или иной гавани; Винчестер занимал такое же положение на западе; в Лондоне сохранилось мало следов доисторической жизни, но ему вскоре предстояло стать незаменимым, потому что именно там, в глубине приливного устья Темзы, было самое надежное укрытие, а заодно наиболее близкое к морю место, где через нее можно было перебросить мост.

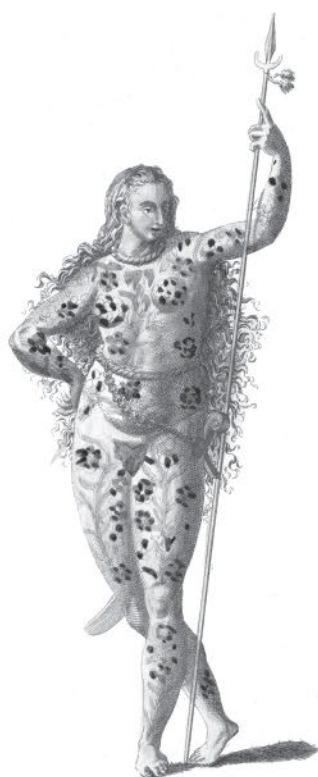
3. Откуда же пришли эти люди, которые после исчезновения палеолитического человека и окончания ледникового периода заселили Англию, привезя с собой быка, козу и свинью? Скелеты свидетельствуют о двух расах: одной — с удлинненным черепом, другой — с круглым. Раньше утверждалось, что удлинненные черепа находили в овальных могильниках, а круглые — в круглых. Это было удобно, но неточно. К несчастью, длинные черепа были обнаружены и в круглых курганах, так что понадобилось немало интеллектуальной снисходительности, чтобы выделить среди мегалитических памятников Англии две различные цивилизации. Обычно эту первобытную популяцию именуют иберами и полагают, что она прибыла из Испании. Испанская или нет, она несомненно была средиземноморского происхождения. Приехавшего с Мальты путешественника поражают в Стоунхендже общие черты мегалитических памятников этих столь отдаленных друг от друга мест. Без сомнения, в доисторические времена от Средиземноморья до берегов Океана, включая Британские острова, простиралась достаточно однородная цивилизация, подобно тому как позже в средневековой Европе возникнет так называемый христианский мир. Эту цивилизацию принесли в Англию иммигранты, сохранившие связь с континентом благодаря купцам, которые приплывали в Британию за металлами, а в обмен привозили продукты Леванта и янтарь Балтики. Мало-помалу жители островов вслед за жителями материка познакомились с новыми

технологиями: земледелием, строительством длинных судов и плавкой бронзы. Важно представить себе медлительность этого прогресса, занявшего у людей многие века. Тонкая пленка исторических времен покоится на глубоких доисторических пластах, а бесчисленные поколения, от которых не сохранилось других осязаемых или зримых следов, кроме обтесанных и поставленных вертикально камней, дорог и обустроенных источников, оставили человеку в наследство слова, обычаи и приемы, без которых продолжение авантюры было бы невыносимо.

III. КЕЛЬТЫ 1. Между VI и IV вв. до Рождества Христова в Англию и Ирландию стали прибывать последовательными волнами воинственные скотоводческие племена, мало-помалу вытеснившие иберов. Эти племена принадлежали к кельтской народности, занимавшей огромные территории в долине Дуная, к северу от Альп и в Галлии. Почему они пустились в путь? Возможно, потому, что пастушеские народы обречены следовать за своими стадами, которых

Круглые дома кельтов в Ярлсхофе (Шетландские острова). Железный век.
Фотография Д. Ломакса

Томас Джеффрис.
Пиктская женщина. Гравюра. 1590

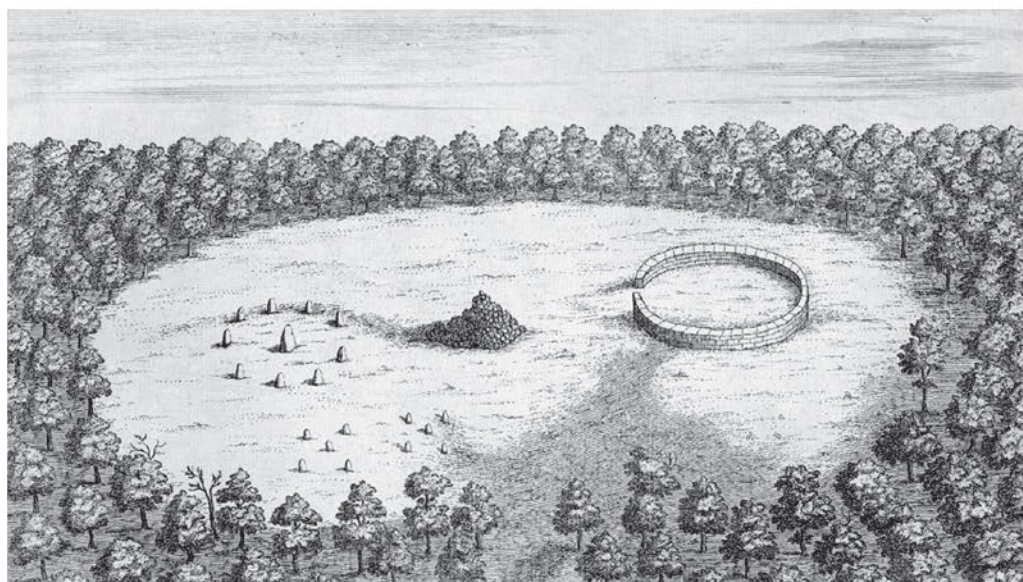
Томас Джеффрис.
Пикт-воин. Гравюра. 1590

голод гонит к новым пастбищам. Без сомнения, к этому примешивались и чисто человеческие причины: авантюрный характер вождя, стремление к завоеваниям, давление более сильного народа. Эти миграции были медленными и продолжительными. Какой-нибудь клан пересекал Ла-Манш и устраивался на берегу моря, затем новый клан изгонял его, и тот отходил немного дальше, в свой черед оттесняя местных жителей. Эти кельтские племена любили войну, даже междоусобную. Их мужчины были высоки и сильны, питались свининой и овсянкой, пили пиво и ловко управляли колесницами. Греческие и латинские писатели описывали кельтов как рослых, белокожих и светловолосых людей с несколько рыхловатым телом. На самом деле среди кельтов было немало темноволосых, так что триумфаторам, чтобы пройти победным маршем по Риму, приходилось отбирать пленников, соответствующих народным представлениям, и даже красить им волосы. Да и сами кельты создали идеальный тип своей расы и старались к нему приблизиться — обесцвечивали себе волосы и красили тело

в пастельные тона, так что римляне позже прозвали шотландских кельтов *Picti*, то есть раскрашенные люди.

2. В этом долгом и медленном кельтском нашествии историки выделяют две основные волны: первую, состоявшую из гойделов, или гэлов, которые дали свой язык, гэльский, Ирландии и шотландскому Хайленду, и вторую, состоявшую из бриттов, или притонов, чей язык стал языком валлийцев и французских бретонцев. В самой Англии из-за германских вторжений кельтские языки позже исчезли. Сохранилось всего несколько слов, относящихся к домашней жизни, уцелевших благодаря кельтским женщинам, которые стали женами завоевателей, например *cradle* (колыбель), да еще топонимы. У названий *avon* (река) и *ox* (вода) — кельтские корни. Похоже, что *Лондон* и латинское *Londinium* тоже восходят к какому-то кельтскому названию, аналогичному названию французской деревни *Лондиньер*. Гораздо позже некоторые кельтские слова были реимпортированы в Англию шотландцами (*klan, plaid, kilt*) и ирландцами (*shamrock, log, gag*). *Slogan* американской рекламы — это кельтское слово, которое значит «боевой клич». Что касается наименования *Britons* или *Prythons*, то оно означало «Страна татуированных людей». Грек Пифей, приплывший к этим островам в 325 г. до Рождества Христова, дал им название *Бреттания* (*ai Вреттавиа*), которое они сохранили почти без изменений.

Большое святилище и роща друидов на острове Англси.
Гравюра Джона Харриса с рисунка Уильяма Стьюкли. Около 1740

Уильям Стьюкли. Британский друид.
Гравюра из серии «Стоунхендж». 1724

3. Пифей был греком из Массалии (современный Марсель), математиком и астрономом, которому купеческий синдикат поручил исследовать Атлантику. Именно он первым осветил этот темный регион, где, по мнению людей его времени, проходила граница мира. В этих легендарных краях Пифей нашел относительно цивилизованную страну. Его, уроженца Средиземноморья, удивили приливы и отливы Атлантики; он отметил, что здешний народ возделывал зерновые культуры, но из-за влажности климата был вынужден молотить зерно на закрытом гумне. Бритты, которых он наблюдал, пили забродившую смесь зерен и меда и торговали оловом с галльскими портами на континенте. Через 200 лет другой путешественник, Посидоний, опишет нам сами оловянные рудники и путь, которым слитки доставлялись сначала на спинах ослов или лошадей, а потом на судах до острова Иктис, которым был, вероятно, нынешний Мон-Сен-Мишель. И эта торговля была достаточно значительной,

чтобы оправдать хождение золотых монет, которые кельты копировали со *статеров* Филиппа Македонского. Первая отчеканенная в Англии монета изображала голову Аполлона — достаточно хороший символ средиземноморского происхождения этой цивилизации.

4. Лучшим документом, которым мы располагаем об образе жизни кельтов, является свидетельство Цезаря. Каждый город, каждое селение и почти каждый род делился на две части. Влиятельные люди из каждой части оказывали покровительство своим сторонникам. У этих народов не было понятия о государстве, и они не оставили никакого политического наследия. Государство в Англии и Франции — творение латинско-германское. Если бы кельты объединились, они стали бы непобедимы, но вечные распри умаляли значение их отваги и ума. Кельтский клан был не тотемическим, а семейным, что создавало гораздо более крепкие узы, но и являлось препят-

Изделие из серебра с пиктской символикой. До X в.

Бронзовый диск из Дерри. До VII в.

ствием для развития более крупных сообществ. И мы видим, что в кельтских по происхождению странах именно семья осталась ячейкой социальной жизни. У ирландцев, даже у тех из них, кто эмигрировал в Соединенные Штаты, политика остается клановым делом. Со времен Цезаря семейные кланы «имели склонность к эмблемам, гербам, цветам... Так что разноцветные тартаны шотландских кланов тоже, возможно, имеют кельтское происхождение». Согласно Цезарю, жизнь сельскими общинами, которая сыграет столь заметную роль в истории Англии, с полями и пастбищами, находившимися в общем владении, была свойственна скорее германцам. Она совершенно несовместима с кельтской системой противоборствующих группировок, которую он описывает. Впрочем, земледелие для едва оседлых кочевников было гораздо менее важным, нежели охота, рыбная ловля или скотоводство. В Уэльсе вплоть до Средних веков жители переносили свои селения туда, где находили новые территории для выпаса скота, охоты и даже земледелия.

5. Самым почитаемым классом у кельтов были друиды, то есть жрецы. Больше всего похожи на этих друидов индийские брахманы или иранские маги. Многие кельтские верования напоминают Восток. Голодовка, ирландская практика, сравнима с постом индусов (*dharna*), когда брахман постится у дверей своего противника до тех пор, пока не получит удовлетворения. Во времена Цезаря самых почитаемых друидов можно

Пиктская брошь с острова Св. Ниниана (Шетландские острова). До X в.

Пиктский рельеф с изображением конного воина. X в.

было найти именно в Британии. Каждый год они собирались в некоем месте посреди страны, быть может в Стоунхендже, но их святилищем, их святая святых был остров Мона (Англси). Те из галлов или белгов, кто хотел приобрести углубленные познания, отправлялись на учебу в Британию. Там они запоминали наизусть большое количество стихов со священными наставлениями. Друиды учили, что «смерть является лишь переселением и что жизнь во всем ее многообразии и вместе с ее благами продолжается и в мире мертвых, который представляет собой хранилище незанятых душ... Похоже, что для них запасы душ не ограничиваются родом человеческим и они верят в метампсихоз» — еще одна черта, общая с Востоком.

6. Между кельтами Британии и белгами, жившими по другую сторону Ла-Манша, отношения были тесными и постоянными. Во время римского вторжения британские кельты отправили подмогу своим братьям на континенте. Однако Цезарь заметил, что островные кельты были хуже вооружены, чем кельты в Галлии. Галльские кельты отказались от архаичной боевой колесницы, потому что нашли на южных равнинах достаточно хороших лошадей. Бритты же, не располагавшие лошадьми, способными нести всадника, сражались подобно воинам Гомера и все еще заменяли кавалерию пехотой, которую подвозили к полю боя.

7. После своего поражения как в Британии, так и в Галлии сметливые и ловкие кельты охотно перенимали достижения римской цивилизации. «Именно галльские учителя, получившие образование в друидских школах, дали Галлии ее классическую культуру... Позже, в Средние века, ирландские монахи напомнили Европе о культе греческой и латинской учености». Но кельты были не только хорошими посредниками при передаче чужой культуры. Они и сами имели склонность к искусству и, украшая спиральными орнаментами свое оружие и гончарные изделия, проявляли больше фанта-

зии, чем когда-либо было у римлян. В европейскую литературу они привнесли восточную тягу к таинственности и присущее им драматическое представление о неизбежности. Быть может, именно своими историями о короле Артуре, о Тристане и Изольде кельтский гений оставил особенный след в Европе. В формировании современной Англии кельтские элементы, сохраненные на западе островов, сыграли большую роль; в XX в. мы неоднократно увидим во главе английских правительств и войск шотландцев, валлийцев и ирландцев.

IV. РИМСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

1. Слабым народам трудно остаться свободными, если они находятся по соседству с мощной военной державой. После завоевания Галлии следующей естественной целью для военной кампании римлян стала Британия. Цезарь нуждался в победах, чтобы удивлять Рим, и в деньгах, чтобы вознаграждать солдат и своих сторонников. На этих сказочных островах он надеялся найти золото, жемчуг, рабов. Кроме того, он считал полезным устрашить британских кельтов, помогавших континентальным в войне против него. В конце лета 55 г. до Рождества Христова он решил отправиться за море в короткую разведывательную экспедицию и навел справки у галльских купцов, которые по неведению или злонамеренно обманули его. Излюбленным методом Цезаря в политике завоеваний было постепенное продвижение от племени к племени, используя одних против других. Но в этой авантюре, которую он предпринял экспромтом, его подгоняло время. Отправив один корабль на разведку, чтобы подобрать благоприятное место для высадки, он отплыл следом с двумя легионами.

2. Операция прошла не слишком успешно. Предупрежденные бритты со значительными силами ждали римлян на берегу. Легионеры, вынужденные в полном вооружении спрыгивать с транспортных судов в довольно глубокое море и преодолевать натиск волн, с большим трудом находили дно под ногами. Цезарю пришлось отрядить две галеры с лучниками и пращниками, чтобы прикрывать высадку заградительным дождем метательных снарядов. Сила римлян была в дисциплине и военной науке, существенно превосходящей боевые навыки бриттов. Едва высадившись, ветераны легиона сумели разбить лагерь, защитить свои корабли и построить «черепашу» из сомкнутых щитов. У кельтов же были тысячи колесниц. Когда передвигавшаяся на них пехота спешила в бой, возницы удалялись на небольшое расстояние, готовые забрать своих людей в случае поражения или отступления. Несмотря на частичный успех, Цезарь быстро осознал,

что его маленькая армия не будет здесь в безопасности. Бурное море уже уничтожило некоторые из транспортных судов. Приближались приливы равноденствия. Он воспользовался небольшим преимуществом, чтобы добиться обещания заложников, и, сохранив лицо, неожиданно снялся с якоря незадолго до полуночи. Потом отправил в сенат столь блестящее сообщение по поводу этой бесславной экспедиции, что тот проголосовал за двадцатидневное *supplicatio*, чтобы отметить «победу» Цезаря.

3. Но Цезарь был слишком реалистичен, чтобы не сделать выводов из своей неудачи. Он познакомился с природой страны, с ее гаванями и тактикой бриттов; поняв, что их нельзя победить без кавалерии, он решил вернуться в следующем, 54 г. до Рождества Христова. На этот раз бритты объединились перед лицом грозной опасности и выбрали себе единого вождя, Кассивелауна, чьи земли располагались к северу от Темзы. К этой реке и направилось римское войско. Прибыв на ее северный берег, Цезарь ловко начал переговоры. Он извлек выгоду из уже разбуженной зависти прочих кельтских вождей, настроил кое-кого из них против Кассивелауна, склонил к подчинению одни племена, другие победил оружием и, наконец, вступив в переговоры с самим Кассивелауном, назначил дань, которую Британия обязалась ежегодно платить римскому народу. В действительности с 52 г. эта дань перестала выплачиваться, а внимание Рима отвлекла от бриттов гражданская война. Цицерон насмеялся над этим «завоеванием», которое не принесло ничего, кроме нескольких рабов, пригодных лишь к самому грубому труду, поскольку среди них не оказалось ни образованных людей, ни музыкантов, так что все это было скорее внутривосточной операцией, нежели имперской победой.

4. После смерти Цезаря Британия была забыта на целый век. Однако Галлия, ставшая совершенно римской по духу, отправляла туда купцов. Там была в ходу имперская монета. Поэт Марциал (43–104) хвастался, что нашел там читателей, и с восторгом говорил об одной британке, вышедшей замуж за римлянина, которой очень понравилось в итальянском мире. Во времена императора Клавдия различные группы римлян требовали завоевания: полководцы видели в этом источник славы и выгоды; купцы-экспортеры утверждали, что безопасность торговли требует присутствия легионов; галльские администраторы жаловались, что на Галлию дурно влияют друиды, чей активный центр оставался в Британии; многочисленные чиновники надеялись на должности в новой провинции. Так что в 43 г. от Рождества Христова Клавдий отправил экспедиционный корпус, образованный из четырех легионов (II Augusta, XX Valeria Victoria, XIV Gemina Martia Victoria и знаменитый IX Hispana из Дунайской армии), что составляло, учитывая

вспомогательные войска и кавалерию, около 50 тыс. человек. С такой армией завоевание было довольно легким, и только в горных районах Уэльса и Шотландии римлянам оказали серьезное сопротивление. Остров Мона, религиозный центр друидизма, выставил против врага полчище ужасных воинов, среди которых выделялись женщины с распущенными волосами, размахивающие зажженными факелами, а тем временем сами друиды в белых одеждах, сомкнув ряды и воздев руки к небесам, призывали богов. На юго-востоке, который уже казался усмирненным, из-за несправедливостей первых римских администраторов вспыхнуло яростное восстание под руководством королевы по имени Боудикка (или Боадиея). В какой-то момент завоеватели даже оказались в опасности, но все закончилось избиением бриттов. С начала II в. вся плодородная южная равнина оказалась под властью римлян.

5. Римский метод оккупации совершенно не менялся: прокладка великолепных дорог, которые позволяли легионам стремительно перемещаться по стране, и строительство крепостей, в которых проживали постоянные гарнизоны. Большая часть английских городов, чье название оканчивается на *chester* или *cester*, были во времена завоевания укрепленными римскими лагерями (*castra*). По окончании срока службы ветераны легионов удалялись на покой в бриттские городки Камулудунум (Колчестер) и Веруланум (Сент-Олбенс). Города севера Линкольн и Йорк изначально были всего лишь гарнизонными поселениями. Лондон (Лондиниум) вырос во времена римлян, потому что они пустили через этот пункт все дороги, соединявшие север с югом, главная из которых (позже превратившаяся в Уэйтлинг-стрит) шла из Лондона в Честер. Великолепная лондонская гавань использовалась для снабжения армии.

6. В маленьких, основанных римлянами городках улицы пересекались под прямым углом; традиционное место занимали бани, храм, форум, базилика. Очень скоро юг Англии оказался усеянным маленькими римскими домиками. Настенная живопись и мозаики на полу изображали классические сцены: истории Орфея или Аполлона. Чиновники и солдаты старались воссоздать в этом туманном климате, хоть и довольно бедно, декорации Италии. В Бате (*Aquae Sulis*), который был «Симлой римской Британии, в то время как Лондон был ее Калькуттой или Бомбеем», они построили совершенно римский водный курорт. Кельты, по крайней мере часть из них, вполне приспособились к этой новой жизни. Быть может, они проявили бы больше строптивости, если бы почувствовали, что их к этому принуждают, но римская политика уважала местные обычаи. Она позволяла туземцу по собственному побуждению прийти к цивилизации, имевшей огромную

Интерьер терм в поселении Акве-Сулис (современный Бат). I–III вв.

притягательность. Впрочем, римская иммиграция была слишком малочисленной, чтобы притеснять: несколько купцов, несколько ростовщиков, офицеры да чиновники. Солдаты очень быстро ассимилировались с местными уроженцами или были заменены ими. Дети, которых легионерам рожали туземные женщины, воспитывались рядом с военными лагерями и позже сами пополняли армию. Римская цивилизация «была экспансией не расы, но культуры».

7. Этот метод мирного проникновения был особенно удачно применен тестем Тацита Агриколой (79–85). Это был новый тип римского управленца. Он уже не походил на проконсулов-аристократов, которые одновременно закладывали основы империи и разоряли ее. Обладая всеми добродетелями и слабостями своего класса, Агрикола был крупным администратором. Сам провинциал, он поэтому внушал больше симпатии тем провинциалам, которыми управлял, и лучше понимал их, когда те оказывали сопротивление.

Голова Минервы из римских терм в городе Бат. I–IV вв.

Он добился некоторых военных успехов, но, «поняв, что силой оружия достигается мало, если потом дать волю несправедливости, захотел в корне пресечь причины войн». Агрикола сам вникал в дела, назначал на административные должности порядочных людей, противодействовал незаконным поборам со стороны сборщиков податей и старался поощрять кельтов к участию в римской жизни. Приглашая их строить бани и рынки, «восхваляя деятельных и порицая нерадивых, он заменил принуждение соревнованием за почести. Он велел воспитывать сыновей вождей по-римски. И мало-помалу те облачились в тогу... Кто узнал бы прежнего варвара-галла в столь элегантно рыжеволосом римлянине?» Многие из кельтов

стали таким образом двуязычными. В Лондиниуме говорили на латыни, а на набережных, разумеется, слышался также греческий и другие языки средиземноморских моряков. Нашли черепицу, на которой какой-то рабочий, чтобы подтрунить над товарищем, написал по-латыни: «Анстилис каждый день отпрашивается на неделю». Такие граффити доказывают, что некоторые ремесленники достаточно знали латынь, хотя для народных масс общедоступным языком оставались кельтские диалекты.

8. Для такой романизации Британии религия не могла быть препятствием. Веротерпимые римляне охотно присоединяли к своему пантеону неизвестных прежде богов. Если они преследовали друидизм и почти полностью его уничтожили, то лишь потому, что видели в нем политическую угрозу. Но кельтский бог войны Тутатис (Тевтатис) был отождествлен ими с Марсом. В крупных городах они воздвигли храмы императорам, Юпитеру, Минерве. Множество найденных в Англии надписей и мозаик содержат молитвы к Матерям, *Deae Matres*, — богиням, культ которых был, без сомнения, занесен с континента чужеземными солдатами. Другие легионеры поклонялись Митре, а в Лондоне нашли даже храм богини Изиды. Христианство наверняка было известно в Британии с III в. от Рождества Христова; в начале IV в. в Лондоне был уже свой епископ, Реститутус, о котором известно, что он присутствовал на Арльском синоде вместе с двумя другими британскими епископами. Его диоцез, наверное, был маленьким и бедным, поскольку верующие, не имея возможности оплатить поездку своего епископа, открыли для него подписку в Галлии.

9. В то время как юг и центр Британии становились, таким образом, живой частью империи, на севере римская оккупация совершенно не продвинулась. Там, где начинались пустоши, заросшие вереском и густым кустарником, обитало полудикое племя бригантов, а дальше на север еще один кельтский народ — пикты, сопротивлявшиеся любому мирному проникновению. Эти строптивые, непримиримые племена, привлеченные относительным богатством кельто-римских городов, время от времени отправлялись на юг в грабительские набеги. И тщетно римские полководцы пытались их преследовать. Агрикола, благодаря прекрасному совместному маневру армии и флота, счел их побежденными, но, едва римляне оккупировали Шотландию, слишком растянутые линии их коммуникаций стали уязвимыми, и в результате набега бригантов был истреблен IX легион. Как раз после этой катастрофы, в которой погибло столько солдат, император Адриан в 120 г. лично прибыл в Британию, приведя с собой VI Победоносный легион (Victrix). Отказавшись от завоевания севера, он решил укрепить границу, построив от реки Тайн до залива Солуэй четырнадцать крепостей, которые соединил сначала непрерывным земляным валом, а потом вскоре добавил к ним и каменную стену с постоянным гарнизоном. В итоге Адриан отказался от мысли победить непокорные племена и ограничился их сдерживанием, как в Каледонии, так и в Центральной Европе. Позже это «благоразумие» приведет к падению империи.

Фрагмент рельефа с изображением морского божества. Веруланум (современный Сент-Олбанс). III–IV вв.

V. КОНЕЦ РИМСКОЙ АНГЛИИ

Римский капитализм основывался на недальновидной эксплуатации богатств провинций; борьба между язычеством и христианством разделила императоров и граждан; военная мощь Рима рухнула. Система непрерывной границы (то есть линия крепостей, соединенных стенами) провалилась. В Британии этот метод оказался чуть более эффективным, нежели в других местах, потому что граница, которую надлежало охранять, была коротка.

1. Начиная с III в. Римской империи, несмотря на некоторые прекрасные порывы, угрожал тройной кризис — экономический, религиозный и военный.